

Пространство и текст

У ИСТОКОВ ОБРАЗА УРАЛА: ОТЧЁТЫ ОБ УЧЁНЫХ ПУТЕШЕСТВИЯХ КОНЦА XVIII В.

Елена Георгиевна Власова,

кандидат филологических наук,

доцент кафедры журналистики

Пермского государственного национального исследовательского университета

E-mail: elena_vlasova@list.ru

Статья посвящена особенностям формирования геокультурных значений уральского ландшафта в путевых дневниках Академических экспедиций конца XVIII века. Основным механизмом геокультурного обобщения в путевых записях учёных (И.И. Лепёхин, П.-С. Паллас, Н.П. Рычков) становится накопление эмпирических фактов, которое приводит к формированию семантических презумпций. Ключевые из них, связанные с описанием палеонтологических находок, чудских копей, древних городищ и капищ, группируются вокруг представления о древности уральской земли, которое в дальнейшем станет основой уральской геопоэтики. В перспективе идентификации Урала на образной карте России путевые дневники учёных конца XVIII века реализовали функции актуализации и накопления геокультурных смыслов, включившись в формирование необходимого для появления обобщающих репрезентаций семиотического контекста.

Ключевые слова: геокультура; литературная карта России; образ Урала; путешествие; путевые дневники; Академические экспедиции конца XVIII века; уральские древности; чудь.

УДК 911.3:821.161.1.09(470.5)"18"

Место встречи филологии и географии

Изучение образов пространства – одно из самых динамично развивающихся направлений современной гуманитарной науки. В основном, на наш взгляд, оно сформировалось на стыке двух дисциплин – географии и филологии. Важнейшим источником для изучения образов географического пространства в культурной и гуманитарной географии вполне закономерно послужила художественная литература, получившая в свою очередь новый опыт прочтения.

В то же время в области филологических наук активизируется интерес к пространственным проблемам литературного творчества. Сформировалось исследовательское направление, обозначаемое терминами «литературное краеведение», «литературная регионалистика», а в последнее время – «геопоэтика» [Введение... 2012].

В этом проблемном поле географов и филологов объединяет понимание того, что человек живёт не просто в физическом пространстве, а в пространстве семантически структурированном и образно оформленном. Мир, организованный таким способом – как произведение человека – это предмет и географии, и филологии.

Общим методологическим основанием для подобного рода междисциплинарного взаимодействия становится понятие *геокультуры* как «процесса и результата развития географических образов в конкретной культуре» [Замятин 2002: 5]. Разрабатывая это понимание геокультуры, Д.Н. Замятин предложил использовать геокультурный подход не только в изучении глобальных геополитических процессов, но и по отношению к формированию культуры отдельных, локальных территорий. В результате уточнилось само определение геокультуры как «комплекса пространственных представлений, связанного с образами, с мифами, с идентичностью места или территории» [Ваганов 2012].

Тем не менее, обоюдное желание географов и литературоведов объединить усилия не приводит пока к формированию *общих* концепций. Сближению мешают различия в языке и методах. В частности, литературоведам надо сделать шаг в сторону географии, осознав, что, занимаясь образами пространства, они в какой-то мере покидают традиционную область филологии, связанную с изучением истории и поэтики литературы. Обращаясь к пространству, филология входит в сферу прагматики литературного текста. В этом отношении сошлёмся на размышление В.В. Абашева и А.В. Фирсовой о влиянии литературного текста на пространство:

Связывая сюжет, события и персонажей произведения с реальным местом, описывая его виды и детали, писатель изменяет само место. Он по-новому структурирует его, наделяет новыми смыслами, сообщает месту новую персоналогию и событийность. <...> Понятно, что литературный текст конструирует идеальное символическое пространство, но, попадая в место-прототип, читатель пользуется художественным произведением инструментально, как своего рода путеводителем. В подобных случаях особенно отчетливо проявляется один из специфических аспектов прагматики литературного произведения – его картирующая функция [Абашев, Фирсова 2010: 98].

Большие произведения создают особые сюжетизированные карты местности, которые переходят в общественное пользование. Так Петербург Достоевского или Москва Булгакова – это картированные образы, ставшие самостоятельными феноменами мировой культуры. Беллетризируя реальное географическое пространство, литература создает образную карту мира.

В гуманитарной географии разработано понятие *образно-географической карты*, которая выступает методом исследования географических образов:

Она [образно-географическая карта] может рассматриваться и как графическое отображение структурной модели какого-либо географического образа, а также репрезентировать образно-географическое пространство вербальных текстов (письменных, визуальных, картографических), например, художественных произведений или стенограмм политических переговоров. Как когнитивное средство образно-географическая карта направлена на выявление и построение в виде системы взаимосвязанных элементов содержательных для конкретного географического пространства знаков, символов, стереотипов и архетипов [Замятин 2010: 30].

Понятие карты – «точка встречи» филологии и географии. Построение литературной карты может стать одним из важнейших источников формирования целостной образно-географической карты России, а – с учётом мощного символического потенциала литературного образа – сыграть роль обобщающей репрезентации российского геокультурного пространства.

Когда В. Хлебников в 1913 году заявил, что отечественной литературе нужен не новый Достоевский, а Пржевальский, он в парадоксальной форме сформулировал как раз эту – *географическую* – миссию литературы, миссию образно-символического картирования пространства.

Литературную карту России пока нельзя назвать целостной. Литературоведческие исследования образов российского пространства последних лет в основном были сосредоточены на изучении «локальных текстов». Назрела необходимость объединения фрагментов в единое полотно. И начать можно с карты упоминания отдельных локусов, или их выхода в общелитературный контекст.

Урал на литературной карте России

Когда на образной карте России появился Урал? Эту веку можно достаточно точно определить – 1880-е годы, публикация уральских очерков В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка.

Василий Иванович Немирович-Данченко побывал на Урале в 1876 г. Творческим итогом путешествия стали очерки, которые публиковались в различных газетах и журналах в конце 1870-х и начале 1880-х годов. Позднее очерки – всего числом 65 – были собраны в книгу «Кама и Урал» (1890 и 1904 гг. издания). Книга нашла своего читателя. Впрочем, она до сих пор остаётся ценнейшим и увлекательнейшим для чтения источником самых разнообразных сведений об Урале. В путевых очерках В.И. Немировича-Данченко началось становление *системы общих мест* в описании Урала, которую можно назвать «уральским кодом» русской литературы.

Одновременно печатаются первые очерки и рассказы Д.Н. Мамина-Сибиряка. Два тома его «Уральских рассказов» (1888-1889) окончательно «ввели» Урал в русскую литературу как целостный и самобытный *топос*, с которым связаны собственные сюжеты, человеческие типы и символика. В прозе В.И. Немировича-Данченко и Д.Н. Мамина-Сибиряка началось формирование *геопозтики* Урала [Абашев 2009].

Следующий этап литературного картирования Урала связан с именем Бориса Пастернака. Марина Цветаева в начале 1930-х годов писала: «Нет Урала, кроме пастернаковского Урала, как оно и есть: ссылаюсь на всех читавших «Детство Люверс» и «Уральские стихи» [Цветаева 1994: 380]. В творчестве Пастернака Урал получил метафорически насыщенное и пластически наглядное воплощение, которое до сих пор остаётся самой яркой его литературной репрезентацией. Кроме того, благодаря зарубежной популярности романа «Доктор Живаго», Урал появился и на мировой карте больших литературных сюжетов.

Новым геопозтическим прорывом Урала в общелитературном пространстве можно назвать творчество П.И. Бажова. Бажовские сказы предложили первую целостную мифопоэтическую интерпретацию уральского пространства. Определяя геокультурное значение сказов Бажова, М.А. Литовская назвала писателя первым имиджмейкером Урала: «Можно сказать, что Бажов создал наиболее эффектный и плодотворный имидж региону<...> Он создал своего рода квинтэссенцию уральскости, объединяющую интересы разных обитателей Урала и помогающую сформировать границы обитания “своих”» [Литовская 2006: 195].

В современном литературном пространстве Урал был заново открыт пермским писателем Алексеем Ивановым. В своем романном творчестве А. Иванов создаёт увлекательный, геопозтически точный и одновременно глубоко философский образ уральского пространства. Целостность и убедительность геопозтики А. Иванова связаны не только с прекрасным знанием и органичным обновлением локальной традиции, но и особым поэтическим видением пространства.

В согласии с таким, открытым в начале XX века поэтическим восприятием пространства, Иванов видит (и воссоздаёт в прозе) пространство как общее «бытийное основание», живую подвижную колеблющуюся протяжённость, и все ландшафтные формы представляет как сгустки единой пространственной субстанции, складки и узлы одной непрерывно текущей мировой ткани [Абашев, Абашева 2010: 84].

Подобный подход к изображению пространства превращает уральский ландшафт в *субъект* действия, выводя образ Урала на новый уровень художественного обобщения.

Таковы основные обозначения Урала на литературной карте России. Однако при увеличении масштаба на этой карте проявляются и другие тексты, сыгравшие немаловажную роль в накоплении и структурировании геопоэтических значений уральского ландшафта. Одним из таких накопителей смысла становятся *учёные путешествия* конца XVIII века, положившие начало формированию важнейших элементов уральской геопоэтики. Значение этих текстов в развитии уральской геокультуры можно сопоставить с характеристикой «локальных историй», предложенной Д.Замятым:

Такие небольшие и часто малоизвестные пространства-образы могут быть интровертными, не развёрнутыми к «большим» истории и географии, но их серьезная роль состоит в накапливании, переработке и глубокой интерпретации местных событий, как бы невидимых издали и свысока, становящихся в результате значимыми гуманитарно-географическими образами [Замятин 2005: 276].

Уральские учёные путешествия: рождение топонима

В конце XVIII века Императорская Академия наук предпринимает пять физических экспедиций по изучению восточных рубежей Российской империи. Три из них были посвящены Уралу: экспедиция И.И. Лепёхина, П.-С. Палласа и И.-П. Фалька. По итогам экспедиций вышло несколько томов путевых отчётов с подробным описанием географии, экономики и культуры Урала. Научное значение их было связано не только с задачами развития горной промышленности, но и с необходимостью создания *первого систематического описания* не так давно присоединённой и мало изученной территории. В общекультурном отношении эти отчёты призваны были ввести в сознание российской общественности целостный образ Урала.

В силу особого «пограничного» положения Урал долгое время оставался *terra incognita*. Практически до конца XIX века основным литературным опытом его описания оставались путевые и научные отчёты. До XVIII века – это путевые дневники европейских и арабских путешественников, прежде всего, «торговых людей». В начале XVIII века появляются отчёты пионеров горного дела на Урале. Наибольший интерес представляют в этом отношении научные произведения В.Н. Татищева: помимо собственно горноразведочных сведений в них содержалось немало материалов по географии, климату, растительному и животному миру, а также этнографии края. Труды В.Н. Татищева ввели в официальный оборот топонимы «Уральские горы» и «Урал» [Архипова 2003].

До этого времени Уральские горы не имели общепринятого названия. Европейцы чаще всего называли их Рифейскими, русские – Каменным поясом или Камнем. Название «Урал» впервые было зафиксировано в «Чертёжной книге Сибири» С. Ремизова (1701 г.) в сочетании «Камень Урал». Однако утвердилось имя не сразу. В первом общероссийском Атласе, подготовленном Академией наук в 1745 году, Уральский хребет изображён с ошибками и не поименован. Атлас не раз критиковался современниками, но альтернативы ему долгое время не было. Главной причиной этому послужили внутренние проблемы Географического департамента Академии наук, который, несмотря на постоянные попытки (в том числе самого В.Н. Татищева, а позднее – М.В. Ломоносова), долгое время не мог организовать необходимое переиздание Атласа.

Картографические работы возобновляются в 1770–1780-х годах, составляя одно из направлений масштабных географических исследований Академии Наук. Общероссийская легитимизация названия «Уральский хребет» произошла на генеральной карте Российской империи, которая была опубликована в новом Атласе Академии наук 1771-го года. Бесспорно, уральские экспедиции П.-С. Палласа, И.И. Лепёхина и И.-П. Фалька сыграли в этом процессе немаловажную роль. Ввиду отсутствия официального названия, закреплённого генеральной

картой, вплоть до начала 1770-х годов продолжала существовать множественность наименований Уральских гор. В частности, сам И.И. Лепёхин в предисловии к своим дневникам называет их «Рифейскими» [Лепёхин 1772]. Однако в основном тексте дневников И.И. Лепёхина, а также у других учёных-путешественников используются только уральские топонимы: Уральские горы, отроги Урала, Уральская грива, Урал. В отчётах академических экспедиций состоялось утверждение постоянного имени, которое уже никто не пытался оспаривать.

Топоним зафиксировал важнейшие значения складывающегося образа территории. Он отсылал к древнему башкирскому наименованию одного из хребтов Уральских гор – *Урал-тау*, закрепляя связь этого пространства с культурой коренных народов, издревле проживающих здесь. Башкирские корни топонима «Урал» впервые обозначил П.-С. Паллас. Описывая дорогу от Саткинского завода в Исетскую провинцию, учёный использовал местное название горного массива, который эта дорога пересекала: «Отсель обыкновенная в Исетскую провинцию дорога лежит по ненаселённым местам через кряж, который башкирцы собственно Урал-тау (горный пояс) называют...» [Паллас 1786: 91-92].

Уральскими именуется не только горы, но и реки, леса, заводы. И.И. Лепёхин использует понятие «уральское положение». «От реки Ляли места начали уже пахнуть Уральским положением» [Лепёхин 1780: 81], – писал он, имея в виду горный характер местности и особую суровость климата. Под именем «Урал» подразумевается целый *регион* – отдельная территория, обладающая своей географической и культурной целостностью. Определённое других об этом высказался в своих путевых отчётах Н.П. Рычков, возглавивший один из отрядов экспедиции П.-С.Палласа. Размышляя о границах Европы и необходимости её переноса с горного хребта на линию реки Камы, исследователь по большому счёту обосновывает геокультурную целостность Уральских гор как отдельного региона:

Полагающие границами Европы каменные хребты Уральских гор не великое различие могут найти между теми местами, которые находятся на полуденной стороне реки Камы. Свойство и самое качество земли сея ни мало не отлично от мест, лежащих по другую сторону сих великих гор. Действия природы также между собою весьма сходны: ибо как та, так и другая страна изобилуют множеством различных металлов, которых очень мало находят в стране, лежащей на нагорной стороне реки Камы, а тем менее ещё во внутренних частях России.

Если сие разделение положили древние писатели, то без сомнения сделали они это не по различию мест и земли, но по различию народов, обитавших в этой стране; и если разделение всех частей света можно полагать по разности народов, то и потому можно лучше положить границею Европы реку Каму: ибо начиная от нее и далее к Уральским горам обитавшие народы не только природою, но и обычаями ни мало не сходны с живущими в Европе [Рычков 1770: 29].

В жанре путевого дневника

Превращение оронима «Уральские горы» в хороним «Урал» наглядно демонстрирует общекультурное значение предпринятых научных экспедиций.

Сами путешественники чётко понимали особую геокультурную миссию своих экспедиций и составленных по их итогам отчётов. Неслучайно большинство из них написано в форме путевого дневника – последовательных записей своих наблюдений и размышлений. Дневники не перегружены терминологией, а справочные материалы вынесены в специальные приложения к основному тексту. Во вступлении ко второй части своих записок И.И. Лепёхин, обращаясь к «благосклонному читателю», поясняет:

Описание животных так же старался я изобразить природными словами, что в связи записок, а особливо по новости слов, делает прерывистость, и может быть многим наводить скуку. Для избежания сего, новых животных, предводительствуем единственно десятым изданием Системы Натуры г. Линнея, включил я в особое прибавление [Лепёхин 1772].

Отчёты не лишены занимательности: они описывают дорожные приключения путешественников, их встречи и знакомство с обычаями и нравами местного населения, а также активно цитируют местные топонимику и топонимические предания. На глазах читателей происходит открытие неизвестной страны, экзотической и опасной, что придаёт дневникам особую привлекательность для чтения. Установка на читабельность, дневниковый характер записей, репортажность повествования позволяют говорить о своеобразной *публицистичности* учёных путешествий, что, безусловно, оказывало влияние на характер восприятия представленных описаний и способствовало формированию обобщённого образа пространства путешествия.

Другая важная особенность дневников была связана с принятой манерой научного описания. Увлёкшись чтением «Физического путешествия по разным провинциям Российской империи», составленного академиком П.-С. Палласом, О.Э. Мандельштам так объяснял обаяние этих «пассивно-созерцательных натуралистических описаний»:

Систематика – гордость и слава линнеевского естествознания – благоприятствовала искусству описаний. Она породила замечательное мастерство детальных и замкнутых в себе созерцательных характеристик. У бездарных кропателей они вырождались в накопление полицейских примет, у художественно одарённых натуралистов расцветали в узор, в миниатюру, кружево. <...> Здесь барская изоцирённость и чувствительность глаза, выхоленность и виртуозность описи доведены до предела, до крепостной миниатюры [Мандельштам 1990: 365].

Попадающие в поле зрения учёных-путешественников приметы уральского ландшафта, так же как и упомянутая О.Э. Мандельштамом «азиатская козявка», костюмированная П.-С. Палласом «под китайский придворный театр, под крепостной балет» [Мандельштам 1990: 369], нередко становятся предметом пристального, почти живописного описания. Так, например, Н.П. Рычков рассказал о камнях «серой шиферной и синими блестками испещренной руды»:

Лучшего в них было то, что внутри разбиваемых камней видимы были, как будто бы чернилами напечатанные ольховые деревца, которых величина и с камнем не более одного вершка, но размер древесных ветвей так порядочно сохранен, что можно с удивлением взирать на сие премудрое искусство натуры [Рычков 1770: 38].

То же самое происходит и с описанием окрестного пейзажа. Необходимая фиксация открывающегося во время путешествия ландшафта нередко превращается в небольшую поэтическую миниатюру:

Тут изобиловали ключи, журчащие при подошвах гор; там возвышались бесплотные гор хребты; чистота воздуха, пестрота растений и безмолвная везде тишина увеселяла наш взор и разумы [Лепёхин 1772: 56].

Разновидные гор утесы, оба берега реки Белой составляющие, представляли местами как бы древних городов развалины: иные имели вид башен, другие представляли столбы; а иные совсем походили на порядочно укрепленные места. Ущелья, представляющие ужасные пропасти, густота лесов, тесные проходы и стремнины представляли глазам нашим ту надежду, которую баширцы во время бунтов на природное земли своей укрепление полагали [Лепёхин 1772: 596].

В десяти верстах от деревни Сарманаевой переехал я поперёк Уральские горы, выходящие из пределов Ледовитого моря и простирающихся до реки Волги. Сия великая гора достойна тем более удивления, что состоит из множества гор, одной на другой стоящих, и нет ничего столь приятного для глаз, как, взойдя на высоты оных, смотреть на исходящие из них отрасли, кои отделяясь идут особливими хребтами. Превысокие каменные холмы видимы на поверхности отделившихся гор, а при подошве оных находятся глубокие и весьма приятные долины, где протекают многие источники и реки, и коих берега украшены различными цветами, растущими по всей стране [Рычков 1770: 16].

Записки учёных путешественников можно считать одним из первых литературных опытов создания самобытного уральского пейзажа, в котором закрепляются важнейшие его характеристики: *обилие рек, густые леса, глубина и теснота горного рельефа.*

Добросовестная констатация эмпирических фактов, сопровождаемая образным описанием, по мере их накопления приводит к формированию *семантических презумпций* – геокультурных значений, данность которых вытекает из множественности и повторяемости свидетельств. Ключевые значения при этом группируются вокруг представления о *древности* уральской земли. Образ «древней земли», возникающий при объединении сформированных презумпций, определяет основное геокультурное значение уральского пространства в отчётах учёных-путешественников.

Уральские «древности»

Древность Урала в учёных записках приобретает абсолютный характер, поскольку оказывается связанной с доисторическим прошлым Земли. На территории Урала сохранились многообразные остатки уникальной геологической системы конца палеозойской эры – Пермского геологического периода. Понятие это было сформировано только во второй половине XIX века в результате специальных исследований группы учёных под руководством знаменитого английского геолога Родерика Мурчисона. Однако рассказы об удивительных окаменелостях, найденных в горных породах Урала, к этому времени уже были широко известны, – прежде всего, благодаря заинтересованным описаниям учёных-путешественников конца XVIII века.

Одним из первых об уральских окаменелостях – остатках растений и животных, закаменевших в уральской породе, – рассказывает П.-С. Паллас в 1869 году. В частности, он отметит масштаб залегания этих находок. Исходя из его записей, практически все рудники вдоль реки Яик «наполнены такими окаменелостями, почернелыми и нередко углю подобными частями дерева» [Паллас 1773: 370]. Сам П.-С. Паллас переправил из Оренбурга в Санкт-Петербургскую кунсткамеру корневище одного такого дерева, найденного в Твердышевском руднике. Кроме того, учёный подробно описал окаменелые находки – «слоновьи кости, чертовы пальцы и зубчатые языки» – по рекам Туре и Исети, назвав их главными достопримечательностями этих мест [Паллас 1786: 338].

Склонный к поэтическим обобщениям Н.П. Рычков в 1770 г. также достаточно подробно описывает «чудные творения природы», «как-то кости, дерево и зубы великих зверей» [Рычков 1770: 104]. Рассказывает путешественник и об огромном окаменевшем

дереве из Осокинского рудника «длиною шести аршин с половиною» и «превеликих кучах» этих окаменевших деревьев, выброшенных из рудника [Рычков 1770: 118].

Академик И.И. Лепёхин, в 1771 году исследовавший уральский северо-запад на границе Вятки и Перми, обнаружил в оврагах наслоения «известного камня с весьма мелкими окаменелыми митулитами» [Лепёхин 1780: 231]. Это заставило учёного выдвинуть предположение о подводном происхождении этих пород. Чуть дальше, изучая зырянские соляные варницы по реке Вынь, И.И. Лепёхин столкнулся с окаменелостями древних морских животных. По мнению исследователя, это «ясно гласило: сия страна некогда составляла дно морское и самая соль морю же началом своим долженствует» [Лепёхин 1780: 278-279].

Во всех представленных описаниях чувствуется не только учёный педантизм путешественников, но и желание подчеркнуть важность этих находок для истории уральской земли. Учёные называют их «достопримечательностями края», «чудным творением», а при перечислении разновидностей используют образные названия, очевидно, услышанные от местных жителей (например, «чёртовы пальцы»). Множественность находок и особый – метафорический – характер их описания формируют представление о *древней таинственной земле*, чьи недра таят в себе не только полезные ископаемые, но и символические богатства.

Другим важнейшим элементом образа уральской древности стал развёрнутый нарратив о древних жителях Урала – *чуди*. Как представляется, именно учёные путешествия устойчиво закрепили в русской книжной традиции связь Урала с преданиями о чуди.

Предания о чуди: «копани» и городища

Интерес учёных к народу, который, согласно преданиям, когда-то жил на Урале, был предопределён горноразведочными задачами экспедиций. Рассказы о чуди, в основном, связаны с обследованием древних копей, или «копаней», которые нередко служили ориентиром для поиска горной породы: «В четырёх верстах от сего завода (Каноникольского. – *Е.В.*) на речке Куртлы находится старинная или так называемая Чудская копь. Тут и инде попадающаяся такие копи доказывают, что в сих местах были рудные промыслы еще за много лет до заведения металлоплавиленных заводов россиянами...» [Лепёхин 1772: 97]. Неслучайно самые крупные рудники – Гумешевский, Кукишинский, Синарский – были окружены старинными чудскими «ямами». Гумешевский и Кукишинский рудники обследовали П.-С. Паллас и И.И. Лепёхин. Н.П. Рычков писал о многочисленных чудских «копанях» по нагорному берегу Ика и рядом с Нагайбацкой крепостью. Плотность этих упоминаний заставляет согласиться с И.И. Лепёхиным, который говорил о том, что чудские копани «наибольший подали повод заводчикам помышлять о заведении рудокопных промыслов...» [Лепёхин 1772: 97].

Описания старинных разработок, сделанные учёными путешественниками, стали одним из первых свидетельств о горном искусстве древних жителей Урала. И.И. Лепёхин отметил, что «...древние сих стран обитатели не только медных, но и других высоких металлов плодами пользоваться умели» [Лепёхин 1772: 169]. Более того, учёный счёл нужным предположить, что до железных руд они не были большими охотниками. Способ добычи был отличен от современного: «...ибо они входили в землю, не делая никаких подстав, а отверстия их подкрепляла та же самая земля, которой верхи выделывали они наподобие свода» [Рычков 1770: 67-68]. Учёные удивлялись чудским усердием и сноровке в опасном горном деле: «Таким образом проходили они в самые глубокие места, и свод, держащий на себе превеликую тяжесть земли, ещё и доныне во многих местах не обрушился» [Рычков 1770: 68]. П.-С. Паллас пишет о том, что старинные штольни «тем примечания достойнее, потому что состоят только в круглых каналах и ходах, которые ни обиты досками, ниже столбами подперты» [Паллас 1773: 370].

П.-С. Паллас, описывая одну из штолен возле Оренбурга, рассказал о способе переплавки меди у древних рудокопов:

При Сайгачем руднике найдена кроме многих ширфов чрезвычайно пространная и во многих местах разработанная штольня еще в хорошем состоянии, при расчищании которой найдены не токмо лепёшки сплавленной меди, но и много круглых из белой глины сделанных горшков, в которых медь плавил, да и кости засыпанных землею работников; но не видали ни малейшего следа плавильных печей [Паллас 1773: 370].

И.И.Лепехин также говорит об отсутствии плавильного производства: «... мне кажется, тщетно прилагают старания те, которые ищут примет бывших в сих местах плавильных заводов» [Лепёхин 1772: 98].

Важное наблюдение сделал П.-С.Паллас и по поводу географии расположения чудских «ям». Поскольку он обследовал всю горнозаводскую часть Урала от Оренбурга до нынешнего Красновишерска, картина складывалась достаточно полная. В частности, учёный задолго до специальных археологических исследований, предпринятых только в XIX в., отметил, что на севере древних «копаней», «таких как на Южном Урале и Алтайской горе», не встречается. «Из сего можно заключить, что тот нам неведомый народ, который по всей Сибири горную производил работу, не доходил до северных лесов, но избирал откровеннейшие горы и теплейший климат» [Паллас 1786: 199]. Таким образом, П.-С. Паллас был склонен связывать наименование Чуди с неким единым народом, проживающим на юге Урала и Сибири и занятым рудными промыслами.

И.И. Лепёхин фиксирует в своих «дневных записках» еще один сюжет уральских преданий о чуди. Он соотносится с коренными обитателями уральского севера – коми-пермяками и зырянами, которых называют чудью «по старинному наименованию всех неизвестных нам соседей» [Лепёхин 1780: 195]. Свои догадки о происхождении этнонима «пермяки» И.И. Лепёхин основывает на «пермяцких сказаниях» о богатыре Перя:

Грамота сия дана была одному из Чюди, жившему на Каме верстах в 50 от того места, где ныне стоит село Гойна. Сей Чюденин, по их уверениям, был отменной силы <...> Сказуемая отменная его сила возбудила любопытство Государево, и он призван был в Москву, где в награждение ему дана была грамота за Государевой рукою на известный земли округ <...> Сей богатырь назывался Перя, из чего кажется заключить можно, что по крайней мере, его семейство называлось Перяки <...> а по времени для удобнейшего выговора из Перяков произошли Пермяки [Лепёхин 1780: 195-196].

Таким образом, лингвистические штудии И.И. Лепёхина рекомендуют его как весьма прозорливого учёного, не склонного закреплять за именованьем чуди какую-то конкретную народность. Тем не менее, легенда о Пере входит в контекст учёных рассказов об уральской чуди, дополняя образ этого загадочного народа новыми преданиями.

Эрудиция И.И. Лепёхина была основана на прекрасном знании летописей и трудов русских историков, касающихся уральского Севера. Так, в описании Холмогор он опирается на летописные свидетельства о торговле датчан с «Чюдским народом», который не «только войною, но и купечеством своим» [Лепёхин 1780: 321] был славен, а также на российскую историю Емина и труды Стурлезона: «...датчане входили в Двину морскими судами и имели с тамошними Чюдами, или Чудью, торги» [Лепёхин 1780: 321]. Упоминает И.И. Лепёхин имя главного чудского идола: «Чюдской народ кланялся идолу Ямалу» [Лепехин 1780: 321]. Тем самым, И.И. Лепёхин косвенно опровергает версию П.-С. Палласа о сибирском происхождении чуди.

Предлагая разные версии в решении вопроса о происхождении чуди, учёные выдвигают различные подходы к формированию историко-культурной составляющей образа Урала. Так, П.-С. Паллас отсылает читателя к сибирским корням древнего народа, а, следовательно, подчёркивает историческое родство Урала и Сибири. И.И.Лепехин связывает историю чуди с финно-угорским населением уральского Севера – коми-пермяками и

зырянами. Его версия впоследствии и будет разрабатываться уральскими учёными и краеведами, воплотившись в нарративе о могущественном древнем государстве – Биармии [Абашев 2012].

В целом, исходя из геологоразведочных целей учёных-путешественников, в их отчётах закрепляются, прежде всего, предания о чуде как о *рудоконях*. В обстоятельном перечне преданий о чуде, составленном В.П. Кругляшовой [Кругляшова 1974], этот сюжет назван самым *ранним* среди зафиксированных. Подчеркнём только, что учёные путешествия стали ключевым элементом в историографии этого сюжета. Неслучайно и фольклористы, и геологи, и историки, занимающиеся исследованием горного дела на Урале, в первую очередь обращаются к отчётам учёных-путешественников.

Другим устойчивым сюжетом в рассказах о чуде становится описание *древних укреплений* – чудских городищ. П.-С. Паллас (склонявшийся, как уже было отмечено, к сибирской версии происхождения чуди), описывая одно из укреплений на озере Няллаг, так комментирует его название: «На Южном плоском открытом сего озера береге вёрст восемь от Киштимского завода виден небольшой взгористой курган тем достопамятный, что около оно примечательно весьма древнее укрепление, *от жителей по Сибирскому обыкновению Чюдским называемое* (выделено мной. – Е.В.)» [Паллас 1786: 166-167]. Путешественник расспрашивает местных башкир о крепости, и не получив каких-либо объяснений, предполагает её татарское происхождение: «Что за народ созидал сию и прежде упомянутую крепостицу, здешние окрестные башкирцы не ведают; мне кажется, что оные весьма с татарскими укреплениями сходствуют» [Паллас 1786: 169]. П.-С. Паллас вынужден опираться только на свои собственные наблюдения, сопоставляя их с увиденным ранее.

Сюжетную линию, связанную с древними городищами, по-своему отобразил в своих путевых отчётах Н.П. Рычков, – правда, в описании Чёртова городища в соседней с регионом Елабуге – также закрепляя тему языческой древности.

Примыкают к чудской теме рассказы учёных о древних языческих *капищах*. Однако нужно отметить, что объединение этих рассказов с чудью – результат более позднего обобщения. В популярном краеведческом очерке «Пермистика» Л.В. Баньковский, пересказывая описание древнего вогульского капища в пещере под Яйвой, пишет:

И.И. Лепёхин на пути из Верхотурья в Соликамск записал рассказы местных жителей о том, что пещера «служила общим капищем всего вогульского народа» и «до днесь в сей пещере можно видеть утхлые деревянные болваны, составляющие вогульское божество». В честь божества и в дар ему «пермская чудь» предпринимала торжества и совершала ритуальные жертвоприношения [Баньковский 2009: 128].

Вместе с тем сам И.И. Лепёхин вогулов чудью не называл. И под Яйвой, и на горе Белой он посещает «вогульские капища», где по местным легендам обряды «идолослужения» «отправляли вогулы, будучи язычниками» [Лепёхин 1780: 85].

«Чудской текст»

Перечисленные выше сюжеты формируют несколько *устойчивых мотивов* в описании уральской чуди – *искусность в горном промысле и градостроительстве, коренной характер проживания и язычество*.

Прагматические задачи учёных путешествий не предполагали мифологических трансформаций или эмоциональных обобщений. Используемые учёными предания всегда корректно введены в текст: каждый автор считает необходимым сослаться на услышанный – чаще всего «от местных заводчиков» – рассказ. В русскую культуру со страниц путевых отчётов попал образ народа, существование которого подтверждено фактическими данными – многочисленными горными разработками, остатками городищ и капищ, а также бытующими преданиями.

На наш взгляд, ученый объективизм первых свидетельств о чуди оказал серьёзнейшее влияние на формирование отношения русской – в данном случае колонизаторской – культуры к коренному населению Урала. «Чудской текст» учёных путешествий и исследований XVIII в. демонстрировал попытку *понимания Другого*. Более того, внимательное погружение учёных в историю древнего Севера вызвало к жизни утверждение о родстве чудского и русского народов: «Все писавшие о древности российского народа утверждают, что большая часть оного происходит от Чюдского поколения» [Лепёхин 1780: 321]. В общей перспективе осмысления русской колонизации Урала факт признания чуди в качестве своих предков принципиально меняет характер этнических взаимоотношений: снимается категоричность колонизаторского превосходства. Закрепившийся в русской культуре интерес к преданиям о Чуди отражал и одновременно формировал специфический характер русской колонизации на Урале, связанной с необходимостью *взаимодействия* в условиях *многонационального* заселения территории.

Колонизация Урала во второй половине XVIII века находилась на переломе. Мятежи и бунты коренного населения тормозили развитие горнозаводской промышленности. Силовая тактика исчерпала себя и мешала экономическому освоению региона. Необходимо было превратить Урал из «зоны контакта» в полноценную часть российского государства. Российской общественности предлагались новые основания для идентификации региона – *уникальной доисторической значимости* территории и *общности происхождения* русских и коренных народностей Урала.

Создавая образ Урала

Действительно, следуя установке на описание Урала как *целостного* региона и включая в свои отчёты сведения по истории, этнографии и культуре края, учёные-путешественники конца XVIII века положили начало *формированию важнейших геокультурных характеристик* уральского ландшафта. Ключевые из них сгруппировались вокруг представления о *древности* уральской земли. Впервые была обозначена связь Урала с доисторическим прошлым планеты: учёные единодушно назвали палеонтологические находки одной из главных достопримечательностей уральских недр. Другим ключевым элементом в развитии образа древней земли становится нарратив о *чуди* – древнем народе, обитавшем на Урале. Учёные травелогии зафиксировали несколько основных топосов этого нарратива: чудские копи, древние городища и вогульские капища. Описание чудских артефактов и первая их интерпретация сформировали также сопутствующий данному сегменту уральского образа семантический контекст, связанный с историко-культурным содержанием местного ландшафта. В представлении об Урале были актуализированы темы культурно-исторической общности Урала и Сибири, родства чудского и русского народов, а также языческой природы коренной культуры региона. В общесемиотическом плане дневники закрепляют за уральским ландшафтом значения *древности уральской истории, глубины и таинственности недр, а также самобытности культуры*, связанной с многонациональным заселением и горнозаводским характером экономики.

Намеченные в уральских травелогах XVIII века семантические презумпции составили первый – эскизный – набросок *будущего* геокультурного образа Урала. Одной из устойчивых формул уральского пространства станет сформировавшееся тогда представление о его *первобытной древности – геологической, палеонтологической, исторической и культурной*.

В дальнейшей истории уральской геоэтики это представление найдет выражение в художественно убедительных образах и сюжетах русской литературы от Д.Н. Мамина-Сибиряка до П.П. Бажова и А.В. Иванова. «Какая древняя земля, какая дремучая история, какая неиссякаемая сила», – это восклицание одного из героев, *alter ego* автора, Алексея Иванова, раскрывает эмоциональный тон и ракурс восприятия Урала, утвердившийся в

современной литературе. Характерное его образное воплощение находим, например, в описании лунной ночи в тайге у того же автора.

[Луна] катится над старыми горами, которые осели и рассыпались, обнажив утёсы, – так истлевает плоть, обнажая кости <...> над волшебной тайгой, сквозь которую пробираются темные, холодные реки. В небе одно на другое громоздятся созвездия. Я гляжу на них. У меня есть собственные созвездия, мои. Вот они – Чудские Копи, Югорский Истукан, Посох Стефана, Вогульское Копьё, Золотая Баба, Ермаковы Струги, Чердынский Кремль [Иванов 2003: 124].

Перед нами лаконичный и ёмкий портрет *уральского космоса*, в котором сближаются подземный и космический мир, а созвездиями становятся ключевые артефакты древней истории от мифологической Золотой бабы и чудских копей до чердынского кремля и ермаковских стругов.

Таким образом, геокультурный анализ отчётов об учёных путешествиях по Уралу XVIII века позволил обнаружить *истоки знаковых для уральского ландшафта образных констант*, а также вскрыть механизм их превращения из семантических презумпций в устойчивые сюжетные конструкции. Подобный подход, построенный на объединении своеобразного картирования геокультурных значений и семиотического анализа, может лечь в основу универсальной методики по интерпретации отдельных текстов и явлений в перспективе общего развития локальной культуры.

Литература

Абашев В.В. Мамин Сибиряк: У истоков геопэтики Урала // Уральский исторический журнал. 2009. №1(22). С. 51-59.

Абашев В.В. Биармия и Пермь // Пермская региональная общественная организация по продвижению культурных и молодежных проектов «КАМВА». 22 июля 2012. http://www.kamwa.ru/report/a_19-Biarmiya-i-Perm-/.

Абашев В.В., Абашева М.П. Поэзия пространства в прозе Алексея Иванова // Сибирский филологический журнал. 2010. №2. С. 81-89.

Абашев В.В., Фирсова А.В. План местности: литература как путеводитель // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2010. Вып. 4. С. 98-104.

Архипова Н. В.Н.Татищев – первопроходец уральской географии // Уральская старина. Вып. 5. Екатеринбург: БКИ, 2003. <http://urbibl.ru/Knigi/uralskaya-starina/vip-5-5.html>.

Ваганов А. Гуманитарная география пространства [Беседа с Д.Н. Замятиным] // Независимая газета – Наука. 28 ноября 2012.

Введение в геопэтику: Антология / Сост. И. Сид; науч. ред. Е. Дайс. М.: Арт Хаус Медиа, Крымский клуб, 2012.

Замятин Д.Н. Понятие геокультуры: образ и его интерпретации // Социологический журнал. 2002. №2. С. 5-12.

Замятин Д.Н. Гуманитарная география: пространство, воображение и взаимодействие современных гуманитарных наук // Социологическое обозрение. 2010. Т. 9. №3. С. 26-50.

Замятин Д.Н. Локальные истории и методика моделирования гуманитарно-географического образа города // Гуманитарная география: Научный и культурно-просветительский альманах / Сост., отв. ред. Д.Н. Замятин. Вып. 2. М.: Институт Наследия, 2005. С. 276-322.

Иванов А. Географ глобус пропил. М.: Вагриус, 2003.

Кругляшова В. П. Жанры несказочной прозы Уральского горнозаводского фольклора. Свердловск: Уральский государственный университет, 1974.

Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского Государства. Ч. 2. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1772.

Лепёхин И.И. Дневные записки путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского Государства. Ч. 3. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1780.

Литовская М.А. Проблемы формирования региональной мифологии: проект Бажова // Михаил Осоргин: Художник и журналист. Пермь, 2006. С. 188-196.

Мандельштам О. Читая Палласа // Мандельштам О. Сочинения: В 2-х тт. Т. 2. М.: Художественная литература, 1990.

Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи [Пер. с нем.]. Ч. 1. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1768-1769 гг. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1773.

Паллас П.-С. Путешествие по разным провинциям Российской империи [Пер. с нем.]. Ч. 2. Кн.1. Физическое путешествие по разным провинциям Российской империи, бывшее в 1770 г. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1786.

Рычков Н.П. Журнал, или Дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 гг. Т. 1. СПб.: при Имп. Акад. наук, 1770.

Цветаева М.И. Собр. соч. в 7 тт. Т. 5. М.: Эллис Лак, 1994.